

разных точек зрения (Верховного Главнокомандующего, генерала, рядового, рабочего, домохозяйки, студентов), что способствовало полноте и многогранности художественного отражения атмосферы тех лет и показа психологии участников обороны Ленинграда.

Сюжет романа в хронологической последовательности воспроизводит сцены и эпизоды, воссоздавшие события, связанные с борьбой за Ленинград и с жизнью ленинградцев в блокадном городе. Они выступают теми типическими обстоятельствами, в которых формируются, проявляются и раскрываются героические характеры.

А. Чаковский, отражая в «Блокаде» героические обстоятельства, использует традиционные принципы раскрытия обстоятельств как средств реалистической типизации в произведениях художественной литературы. Но они были подчинены его сверхзадаче — умению вписать конкретный эпизод войны в общий ее ход, включению в художественное произведение огромного количества документального материала, что и определило их художественное своеобразие.

1. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. 2-е изд. Т. 3. 2. Энгельс Ф. *Письмо Маргарет Гаркнесс, апр. 1888 г.* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. 3. Бочаров А. *Человек и война: Идеи соц. гуманизма в послевоен. прозе о войне.* 2-е изд.; доп. М., 1978. 4. Жилинский Н. Г. *Человек в литературе: Обществ. ценности и пробл. худож. характера.* К., 1983. 5. Иванова Л. В. *Категория героического в романе о Великой Отечественной войне* // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. М., 1978. 6. Козлов И. Т. *Александр Чаковский: Страницы жизни, страницы творчества.* М., 1983. 7. Положий В. И. *Концепция героической личности в творчестве Ю. Бондарева.* К., 1983. 8. Синельников М. *Диктует время. Очерк творчества Александра Чаковского.* М., 1983. 9. Фашенко В. В. *Характеры и ситуации: Статьи / Пер. с укр. З. Финицкой.* М., 1982. 10. Чаковский А. Б. *Документ, вымысел, образ / Беседа вел П. Топер-// Литература и современность.* М., 1975. Вып. 13. 11. Чаковский А. Б. *Блокада.* М., 1978. Ч. 1—2. 12. Чаковский А. Б. *Блокада.* М., 1978. Ч. 5. 13. Чаковский А. Б. *Блокада.* М., 1983. Ч. 3—4.

Статья поступила в редколлегию 01. 04. 85

Е. Н. Зоболева-Гинда, асп.,
Львовский университет

Основные тенденции развития русской советской прозаической миниатюры

В русле лирической прозы, активно заявившей о себе в 50-е гг. XX в., развиваются специфические жанры: лирическая повесть, лирический рассказ, лирическая миниатюра [7; 8; 9]. Исследователи не часто употребляют термин «лирическая миниатюра», между тем, на наш взгляд, необходимо шире вводить его в литературоведческий обиход, поскольку в литературе последних двух десятилетий миниатюра проявляет себя все более интенсивно:

появились «Затеси» В. Астафьева, «Камешки на ладони» и «Осенние листья» В. Солоухина, «Мгновения» Ю. Бондарева, «Травмурава» Ф. Абрамова, «Зерна» В. Крупина, циклы миниатюр Ю. Куранова, И. Лаврова, Е. Гуцало, В. Белова, Я. Брыля, В. Петросяна, В. Субботина и др.

Миниатюра уходит своими корнями в русскую классическую литературу: «Стихотворения в прозе» И. Тургенева, миниатюры И. Бунина — это «тот ... самый «авторский», самый личный жанр в русской литературе, разительно свой у всех, кто к нему обращался...» [10, с. 6]. В русской советской литературе первыми мастерами его были И. Соколов-Микитов и М. Пришвин, которые пришли к миниатюре как к форме, подытоживающей их жизненный и творческий опыт. В современной советской литературе к миниатюре обращаются и начинающие авторы, что свидетельствует о сложившихся жанровых традициях данной формы [9, с. 108].

Краткая литературная энциклопедия дает определение миниатюры: «Маленькая по объему, но композиционно и содержательно законченное произведение, обычно заключающее в себе мысль (образ) широкого обобщения или яркой характеристики» [12, с. 844]. В качестве примеров автор статьи приводит произведения зарубежных писателей (Готье, в частности), а также японские «хокку»; к миниатюре он относит стихотворные и драматические произведения.

В статье не упоминаются миниатюры И. Бунина, М. Пришвина, И. Соколова-Микитова, без которых невозможно представить развитие этой жанровой формы. В то время, когда писалась статья, в Краткой литературной энциклопедии (далее — КЛЭ) (начало 60-х годов), изучение жанра только начиналось, и автор, естественно, не мог учесть всех его особенностей. Обобщая опыт реального бытования миниатюры, зафиксированный в ряде работ современных исследователей [7; 8; 9; 13], сегодня можно добавить к определению в КЛЭ, что прозаическая миниатюра, вследствие своих небольших размеров (от 1—2-х строк до нескольких страниц), предполагает предельную концентрацию жизненного материала и емкости нравственно-философского смысла [9, с. 109]. Тема осваивается автором через призму его собственных чувств и взглядов, выраженных открыто и определенно. В миниатюре создается широкий ассоциативный фон, зачастую предполагающий глубокий подтекст и обязывающий тем самым читателя домысливать произведение, что способствует активизации его восприятия. Эти качества отличают миниатюру от рассказа. В миниатюре, как правило, отсутствует традиционный сюжет, в тех редких случаях, когда он есть, сюжет отступает на второй план, уступая место выражению авторских раздумий и чувств. Таким образом, сюжетные связи в миниатюре заменяются ассоциативно-логическими. Сказанное позволяет отнести миниатюру к самостоятельному жанровому образованию.

Фрагментарность формы в какой-то мере сближает миниатюру с жанром дневниковых записей, но это сходство чисто внешнего характера. Цель автора дневника обычно — стремление воспро-

известить историю жизни одного человека, в то время как автору миниатюры важно другое: обобщить и типизировать жизнь народа (в рамках цикла). В дневнике фиксируются, как правило, размышления автора о текущих событиях, часто без особого углубления в истоки и природу описываемых фактов. Нередко можно встретить и события случайного характера, отнюдь не способствующие познанию и осмыслению эпохи.

Автор миниатюры стремится к иному: под внешним слоем воспроизводимого явления — выявить его сокровенный смысл, определить социальную и философскую значимость. Именно поэтому миниатюры предполагают предельную концентрацию мысли и чувства — элемент художественного обобщения здесь достигает максимума, что не свойственно дневниковым записям. При этом нельзя упускать из виду неоднородность самой структуры миниатюры. Стремящаяся к обобщениям, перерастающим нередко в систему художественных символов, миниатюра пронизана личностным авторским взглядом, скрепляющим ее компоненты в единое художественное целое. И дело не только в моносубъективности способа повествования; точка зрения автора, его позиция безошибочно угадываются по тенденциозности выбора события, по тому, как поставлен тот или иной жизненный факт в контекст всеобщих жизненных связей.

Сказать в малом о большом — задача повышенной сложности, поэтому писатели зачастую объединяют миниатюры в циклы, где стержнем, цементирующим началом является сквозная мысль либо чувство автора. Существуя на стыке двух родов, эпического и лирического, миниатюра синтезирует эти два начала, представляя их в неразрывном единстве. Лирическое начало миниатюры вызвано стремлением писателя сократить дистанцию между собой и читателем, говорить с ним доверительно и предельно искренне. Так, о причине, побудившей его обратиться к миниатюре, В. Астафьев пишет: «...но жажда исповеди, в особенности у пожилых писателей, острее чувствующих свое одиночество, в наш суетный век томит их, заставляя искать новые пути к собеседнику, и не случайно в последнее время очень разные писатели начали общаться с читателем посредством коротких записей — миниатюр — таким образом можно скорее «настичь» ... современного читателя» [2, с. 7]. Почти дословно повторяет эту мысль Ю. Бондарев: «Этот жанр, — пишет автор «Мгновений», — позволяет наиболее искренне высказать то, что требует краткого, а не романного выражения...» [5, с. 295]. Янка Брыль, создавший несколько книг миниатюр, отправной точкой создания произведений микрожанра считает «...желание быть искренним, то есть до конца быть понятым читателем» [6, с. 6].

Лиризм в миниатюрах уравнивается эпическим охватом событий; тенденциозный взгляд художника из потока жизненных впечатлений выбирает те, в которых отражены приметы времени, его колорит. В миниатюре важна и степень концентрации фактического материала. Перенасыщенность содержит в себе некоторую опасность для писателя: можно сбиться на простой пересказ

фактов. Надо отметить, что такие миниатюры встречаются, но их, к счастью, немного и не они определяют развитие жанра, в фондах которого сегодня есть настоящие открытия и находки.

Накопленный в литературе опыт позволяет говорить как о типологических чертах миниатюры, так и о своеобразии ее интерпретации каждым писателем. Названная проблема до сего дня была мало исследованной (ряд статей монографического характера и разделы глав диссертаций А. Казаркина и Л. Ореховой), поэтому наша статья является попыткой восполнить некоторый пробел в изучении темы.

Один из наиболее распространенных типов миниатюры — миниатюра с усиленным лирическим началом. Такие миниатюры близки стихотворениям в прозе общей установкой на выражение чувства, переживания, впечатления автора, они, как правило, бессюжетны. Однако, несмотря на явную выраженность, лиризм здесь уравнивается эпичностью звучания всего цикла в целом. К такого рода произведениям относятся многие миниатюры циклов «Камешки на ладони» В. Содоухина, «Дней сентября» и «Осенних рассказов» Ю. Куранова.

«Камешки на ладони» — своеобразный монолог писателя, открыто выражающий его поэтическое и гражданское кредо. Специфика цикла — в его стилистике, обусловленной авторской установкой на то, чтобы повествование напоминало живую речь. «Камешки на ладони» составляют миниатюры без названий, чаще всего без сюжета, они похожи на мысли вслух. Мысли эти о самом разном, но во главе угла книги стоят, несомненно, вопросы творчества, которые неотделимы от актуальных проблем действительности: «Если сто лет назад поэт мог созерцательно говорить, что земля прекрасна, то в современной поэзии всегда за этими словами стоит тень. Всегда подразумевается, что земля может превратиться в голый обугленный камень» [14, с. 66].

Большое место в цикле занимают миниатюры-размышления и миниатюры-воспоминания, в которых лирический герой, отталкиваясь от каких-либо конкретных событий, стремится в локальном эпизоде показать типическое. Иногда такой эпизод сопровождается авторскими комментариями, иногда в таких комментариях нет необходимости, столь красноречив и показателен сам факт. Так, в одной из миниатюр автор повествует об известном писателе, который жаловался на досаждавших просителей. На трезвое возражение собеседника о том, что подобные посещения свидетельствуют о народном признании, что сам Толстой постоянно принимал ходоков, писатель ответил: «Да, но зачем идут? Помогите достать шиферу, помогите дочке устроиться в институт... А к Толстому с какими вопросами шли? Есть ли бог? Любить ли ближнего? Как жить дальше?» [14, с. 184]. Несомненно, поведенный автором эпизод вызывает целый ряд ассоциаций и размышлений.

Миниатюрам Ю. Куранова присущи художественные средства, характерные для поэзии, а потому особенно действенные и осязаемые в прозаическом тексте: аллитерации, ассонансы, повторы, эпитеты, метафоры, инверсии, ритм. Как отмечал А. Казаркин,

«...композиция курановских миниатюр чаще всего представляет развернутую метафору...» [9, с. 187]. Вот как поэтично воспринимает мир герой миниатюры «Дали сеновала»: «Не в тот вечер, когда садится и будто инеем закладывает перелески туман. И не тем вечером, который гонит сухие тучи холода над полями. А когда небо вывездит, когда синими глубинами пойдут над головой созвездия, переговариваясь, протягивая друг другу руки, подгоняя тельцов и подстегивая коней. В такой вечер я уйду спать на сеновал... Обступают звуки леса, полей, реки. Все становится близким и до боли ощутимым» [11, с. 187]. Образ лирического героя можно назвать двойником автора. Миниатюра приобретает значение и ценность документа, по которому мы вправе судить о духовном и нравственном потенциале самого писателя. Лирический герой понимается как личность типическая, как представитель народа, в характере которого отразились такие непреходящие ценности как любовь к природе, чувство родства с ней, ведь только глубоко понимающий природу человек способен «до боли ощутить» звуки леса, полей, реки.

Человек и природа — это центральная тема миниатюр писателя, и свою идейно-эстетическую концепцию он разворачивает на едином тематическом фоне. Природа у Ю. Куранова живет своей особой жизнью: она одушевлена, как одушевлена в русских народных сказках. Так же, как в сказках, здесь может разговаривать синица, лесные звери загадывают загадки («Терем в перелесках»), гриб-боровик вырастает до размеров сказочного теремка. Реалистическая основа повествования сплетается с элементами фантастического, что не только не создает впечатления стилистической разноголосицы, но, напротив, способствует созданию особого колорита.

Лиризм миниатюр В. Солоухина, Ю. Куранова направлен на усиление личности философских обобщений, эмоционально-экспрессивная тональность легче находит отзвук в сердцах читателей.

Миниатюры названных писателей представляют лирическую тенденцию развития жанра, значительную и плодотворную, но не единственную. Обобщая опыт развития миниатюры 60—70-х годов, А. Казаркин писал: «Миниатюра появилась и до сих пор распространена в лирическом варианте...» [9, с. 106]. Появившиеся в последние годы циклы миниатюр Ф. Абрамова, В. Крупина, Ю. Бондарева и др. позволяют говорить об усилении эпического начала в этом жанре. Краткость формы, разумеется, противоречит привычным представлениям о широте эпического повествования. Однако эпичность этих произведений несомненна, она достигается путем концентрации материала и циклизации.

Наиболее выразительно эпическую тенденцию представляет сборник Ф. Абрамова «Трава-мурава», состоящий из калейдоскопа эпизодов, представленных писателем в нарочито отстраненной манере. Автор как бы выдвигает на первый план народный опыт, обобщает житейскую народную мудрость, что способствует объективизации повествования. Но этот писательский прием не

может скрыть его лица, его точки зрения. Автор обращает внимание на наиболее важные с его, авторской позиции события. В некоторых миниатюрах Ф. Абрамов говорит от первого лица, от своего имени, но чаще лиризм писателя проявляется в обобщенно-личной форме повествования, в которой как бы объединяются ведущий рассказ писателя и тот, к кому речь обращена.

В чередовании сцен и эпизодов писатель стремится раскрыть характер русского человека во всей его сложности и красоте. Не случайны эпитафии к циклу: «Хожу я по травке, хожу по муравке. Мне по этой травке ходить не находиться, гулять не нагуляться. (Из народной песни)». И второй: «Травка-муравка что, не знаешь? Да чего знать-то? Глянь под ноги-то. На травке-муравке стоишь. Все, все трава-мурава. Где жизнь, где зелено, там трава-мурава... (Из разговора)» [1, с. 482]. Здесь дан конкретный ориентир читателю: речь в книге пойдет о людях, на которых, как говорится, земля держится, — о наших корнях, истоках. Ф. Абрамов сосредоточивает внимание на тех качествах русского человека, которые помогли ему выдержать военное лихолетье, тяжелые послевоенные годы, поэтому так много места в книге отведено теме труда. Труд, осмысленный писателем с исторических позиций, показан как объективная необходимость нашей жизни, любовь к труду представлена как высшая нравственная ценность, как основа других положительных качеств в человеке.

Есть в «Траве-мураве» особый раздел, которому предпослан свой эпитафия: «У русского народа на все есть слово: и на велик день, и на велико сиротство» [1, с. 548]. Миниатюры представлены здесь самой малой разновидностью, в одну-две строки. Это золотая россыпь мыслей, которые по глубине и выразительности могут соперничать с пословицами и поговорками: «Ешь досыта, работай до слез. (С его что взять? Совесть под каблуком, стыд под подошвой). Не гляди на того, кто хорошо живет, а гляди на того, кто худо» [1, с. 551].

Миниатюры Ф. Абрамова также философичны, они настраивают читателя на размышления, дают толчок ассоциациям. Близки им по тону и общей эпической установке «Затеси» В. Астафьева. Драматизм восприятия жизни в книге сочетается с поэтическим мироощущением писателя, с повышенно-эмоциональным отношением ко всему; эти качества произведений В. Астафьева отмечались нашей критикой. Философская направленность «Затесей» проявилась в самом названии — затесями в Сибири называют метки на дереве, сделанные для того, чтобы путник не сбился с дороги. Автор переосмысливает значение слова: затесями в сердце писателя стали те события его жизни, которые помогают сохранить нравственные ориентиры в ней. Книга многопланова: социальные проблемы и вопросы нравственности, долга и совести, память о прошедшей войне — вот далеко не полный перечень тем этого цикла, интерпретируемых сугубо по-астафьевски. Лиризм книги сопряжен с острым драматизмом, а порой и трагизмом повествования. Писатель в большинстве случаев говорит от пер-

вого лица, от своего имени, что придает «Затесям» большую доверительность. Своего рода эпиграфом к книге можно считать миниатюру «Чтобы боль каждого», в которой автор — повествователь вспоминает слова царя Давида, высеченные на его надгробии: «Пусть каждый, входящий в храм, наступит на сердце мое, чтобы я слышал боль его» [2, с. 24]. Стремление быть причастным судьбам своих соотечественников составляет гражданский пафос книги.

Такое же идейно-тематическое разнообразие характерно для сборника Ю. Бондарева «Мгновения» (знаменательно, что одна из последних рецензий на «Мгновения» озаглавлена «Многозвучие» [10]. О главных проблемах книги писатель говорит так: «...я хочу говорить о человеке, о том лучшем, что есть в нем, о его способности в определенные минуты подняться над самим собой. Человек немислим вне времени. Поэтому вторая моя тема — время. И вместе с тем мои главные герои — человек и время» [5, с. 248].

В «Мгновениях» Ю. Бондарев часто говорит от своего имени, в книге много автобиографического, но «я» автора вбирает в себя как его собственную позицию, так и мнение его единомышленников, близких ему по духу, становится неким обобщением, что позволило В. И. Положию говорить о концепции личности «безымянного героя сборника «Мгновения», во многом, если не целиком представляющего позицию самого автора» [15, с. 55]. Отметим, что бондаревская концепция близка горьковской (авторская установка говорить о лучшем в человеке, об умении подняться над самим собой).

Все темы сборника освещены автором с позиций активной гражданственности. Так, размышляя о вечной красоте и гармонии природы, писатель восклицает: «Неужели нельзя жить с природой в состоянии прочного мира, познавая, а не поработая ее насильем?» [4, с. 164], или, затрагивая проблему, вынесенную в заглавие книги, автор не просто сожалеет о быстротечности времени, но призывает оценить неповторимость каждого прожитого часа: «Чаще всего мы не жалеем впустую потерянных часов, дней и лет, утратив оценку разумных мгновений нашей жизни...» [4, с. 303].

Важнейшая тема книги — тема нравственности — рассматривается писателем в самых разнообразных ракурсах: притчи («Власть»), диалоги и монологи («Диалог на скамейке в парке», «Облакаты бы мне», «У табачного киоска» и др.), сценки, воспоминания, размышления.

Еще одна тема, проходящая через всю книгу, — тема памяти о войне; она переплетается с современными проблемами, приобретает при этом масштабность («Агония», «Старшина Кочкин»); миниатюры «Чутье», «Женственность», «Атака» дополняют и расширяют тему, о которой, казалось бы исчерпывающе, автор сказал в «Батальонах...», «Горячем снеге», «Береге».

В личном, сугубо индивидуальном, писатель умеет найти общее, типичное, и потому так ценны его высказывания, фиксирующие те

стороны его самосознания, которые максимально созвучны эпохе. Понимая, что жизнь — лучший художник, у которого самая богатая палитра красок, писатель стремится осознать всю сложность писательского труда.

Исповедальность, лирический тон, публицистичность интонации, неожиданные метафоры, откровенная сатира и чуть ироническое отношение к самому себе определяют художественное своеобразие «Мгновений». Если миниатюры В. Солоухина и Ю. Куранова явно выражают лирическое начало, а миниатюры Ф. Абрамова тяготеют к эпичности, то у Ю. Бондарева и В. Астафьева можно отметить синтез этих двух начал. Лирическое и эпическое находятся как бы в уравновешенном состоянии, позволяя через призму авторского видения воссоздать действительность во всей ее сложности и глубине.

Итак, русская прозаическая миниатюра характеризуется двумя тенденциями: лиризмом и эпичностью, которые, развиваясь самостоятельно, в то же время дополняют друг друга. Свойство миниатюры — в наикратчайшей форме отражать узловые проблемы времени, отсюда тяготение к философичности, всеобъемлемости, афористичности. Через призму авторского видения и чувства в миниатюре рассматриваются проблемы самые разнохарактерные: от насущных вопросов нашей жизни до «вечных» проблем, которые каждое поколение решает заново. Миниатюра ценна своим лиризмом, краткость формы и сознательная акцентированная субъективность определили авторскую установку на предельную искренность, непосредственность выражения личной позиции человека, гражданина и писателя. Таким образом, миниатюра приобретает вес и значение документа, свидетельствующего о личности художника. Вместе с тем, обращение писателей к проблемам социально и нравственно важным придает миниатюре значимость и масштабность. Русская советская прозаическая миниатюра вписывается в контекст всей русской литературы своей приверженностью высоким традициям гуманизма, патриотизма, интернационализма, занимая в ней особое место и способствуя ее обогащению.

1. Абрамов Ф. А. Трава-мурава. М., 1983. 2. Астафьев В. П. Затеси. Красноярск, 1982. 3. Белов В. И. День за днем. М., 1979. 4. Бондарев Ю. В. Мгновения. М., 1982. 5. Бондарев Ю. В. Поиск истины. М., 1979. 6. Брыль Янка. Большие проблемы малого жанра // Лит. газ. 1968. 17 апр. 7. Доля Т. Д. Становление и развитие жанра лирической повести в русской советской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974. 8. Зельцер Л. Е. Проблема жанра современной советской лирической повести: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1970. 9. Казаркин А. П. Поэтика современного лирического рассказа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974. 10. Коробов В. И. Многозвучие // Лит. газ. 1984. 8 февр. 11. Куранов Ю. Н. Избранное. М., 1984. 12. Левицкий Л. А. Миниатюра // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 5. 13. Орехова Л. А. Современная лирическая проза: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 14. Солоухин В. А. Камешки на ладони. М., 1982. 15. Положий В. И. Концепция героической личности в творчестве Юрия Бондарева. К., 1983.

Статья поступила в редколлегию 01. 02. 85